

*Брайену — который участвовал
в этом приключении с самого начала.*

Глава 1

На первую вечеринку, куда Лавиния берет с собой Луизу, она заставляет ее надеть свое платье.

— Я нашла его на улице, — рассказывает Лавиния. — Оно из двадцатых годов прошлого века.

Может, и так.

— Кто-то его просто выбросил. Вот ты веришь?

Луиза не верит.

— Наверное, решили, что это старая рухлядь. — Она надувает губы. Красит их помадой. — И именно в этом проблема большинства людей. Никто не понимает, *что* значат вещи.

Лавиния поправляет Луизе воротник. Надевает ей на платье пояс.

— В любом случае, как только я его увидела — Господи! Мне захотелось — ну, просто захотелось *преклонить колена*, понимаешь? Поцеловать землю... А католики целуют землю, или только моряки? Так вот, мне захотелось приложиться губами к тротуару, прямо на чью-то размазанную жвачку, и сказать что-то типа: *«Благодарю тебя, Господи, за то, что мир сегодня обрел хоть какой-то смысл»*.

Лавиния пудрит Луизе щеки. Потом накладывает румяна. И говорит без умолку.

— Типа... как же это все, блин, здорово, да? Типа... Чья-то бабушка или кто-то еще

умирает в каком-то неизвестном особнячке в Ист-Виллидж, где за двадцать лет никто даже носа не показывал, а потом все ее старые шмотки выкидывают на улицу, и вот на закате я такая иду по Восточной Девятой улице и нахожу платье. Меня и эту старуху, с которой я никогда не встречалась, разделяют девяносто лет, но у нас обеих есть два дивных романтических вечера, когда мы были в одном и том же платье. Ой, Луиза, ты разве не чувствуешь, как оно *пахнет*?

Лавиния тычет в лицо Луизе кружевами.

— В таком платье, — продолжает Лавиния, — можно и влюбиться.

Луиза делает вдох.

— И ты знаешь, что я сделала?

Лавиния рисует Луизе мушку карандашом для бровей.

— Я разделась до нижнего белья... Нет, вру, я и лифчик сняла. Разделась догола, натянула платье, а свое бросила на улице, и в этом платье шла пешком целых полночи до самого Верхнего Ист-Сайда.

Лавиния застегивает Луизе пуговицы.

Теперь Лавиния смеется.

— Пообщаешься со мной подольше, — говорит она, — и я тебе обещаю: с тобой станут происходить всякие вещи. Как они со мной случаются.

Лавиния делает Луизе прическу. Сперва хочет причесать ее, как себя: с беспорядочно и сильно взбитыми локонами. Но волосы у Луизы слишком гладкие и прямые, так что Лавиния забирает их в плотный и аккуратный пучок.

Лавиния обнимает ладонями щеки Луизы. Целует ее в лоб. И рычит.

6 — Господи, — выдыхает Лавиния. — Да ты

красавица. Прямо не могу. Хочется тебя убить. Давай сфоткаемся.

Она достает телефон. Переводит его в режим «зеркало».

— Давай встанем на фоне павлиньих перьев, — предлагает Лавиния. Луиза становится.

— Позируй.

Луиза не знает, как это делается.

— Ой, да ладно тебе. — Лавиния машет телефоном. — Все знают, как надо позировать. Ну, вот так: чуть-чуть выгни спину вперед. Голову наклонить. Сделай вид, что ты звезда немого кино. Вот так. Так... Нет-нет, подбородок вниз. Во-о-от.

Лавиния чуть сдвигает подбородок Луизы. Фотографирует их обеих.

— Последняя фотка лучше всех, — заявляет Лавиния. — Мы классно выгядим. Отправляю фотку в пост. — Она поворачивает телефон к Луизе. — Тебе какой фильтр нравится?

Луиза не узнаёт себя.

У нее гладко причесанные волосы. Темные губы. Высокие, выступающие скулы. Она в свободном платье, у нее кошачьи глаза с накладными ресницами, и выгядит Луиза так, словно из другого века. Похоже, что она даже не совсем реальна.

— Давай возьмем «Мейфэр». Он придает скулам блеск. Господи, ты только посмотри! Ты. Только. Посмотри. Ты же красавица.

Лавиния ставит под фоткой надпись: «Схожи в презрении».

Луиза думает, что это очень остроумно.

Луиза думает: «Я сама не своя».

«И слава богу, — считает Луиза. — Слава богу».

Они берут такси до Челси. Лавиния расплачивается.

На дворе вечер 31 декабря. Луиза знакома с Лавинией десять дней. Это лучшие десять дней в ее жизни.

Дни у Луизы протекают совсем не так.

Дни у Луизы тянутся вот так:

она просыпается. И сразу об этом жалеет.

Варианты: Луиза не выспалась. Она работает баристой в кофейне, которая вечером превращается в винный погребок, а также пишет заметки для сайта электронной коммерции под названием «ГлаЗам», торгующего сумочками — подделками под известные бренды, а еще подрабатывает репетитором по отборочным тестам для поступления в колледжи. Она ставит будильник, по крайней мере за три часа до того времени, когда ей нужно где-то быть, потому что живет в самой гуще района Сансет-парк в двадцати минутах ходьбы от линии метро R все в той же сданной в поднаем квартирке, кишашей тараканами, и поезда в метро ломаются через раз. Когда Луизе раз в пару месяцев звонят родители, они непременно спрашивают ее, почему она упорно отказывается вернуться обратно в Нью-Гэмпшир, где *тот милейший Вирджил Брайс* работает менеджером в местном книжном магазине и все время спрашивает ее новый номер телефона. Луиза непременно вешает трубку.

Она встает на весы. Луиза весит сорок пять килограммов восемьсот граммов (в критические дни). Она очень тщательно накладывает макияж. Подводит брови. Проверяет корни волос. Проверяет баланс карточки (шестьдесят четыре доллара тридцать три цента). Закрашивает тональным кремом

Смотрится в зеркало.

— Сегодня, — произносит она вслух (когда-то один психоаналитик сказал ей, что подобные вещи всегда лучше проговаривать вслух), — первый день моей оставшейся жизни.

Заставляет себя улыбнуться. Это психоаналитик ей тоже рекомендовал.

Двадцать минут Луиза идет пешком до метро. Не обращает внимания на уличного пристава, каждое утро спрашивающего, как пахнет ее киска, хотя он, наверное, единственный человек в мире, которого она регулярно видит. Пока едет до Манхэттена, она рассматривает свое отражение в темном вагонном окне. В те времена, когда Луиза была уверена, что станет великой писательницей и оставит значимый след в истории, она брала с собой блокнот и писала в поезде рассказы, но теперь она слишком устает и, скорее всего, никогда не станет писательницей. Так что она читает в телефоне зубодробительные статейки с ресурса «Мужененавистничество», а иногда наблюдает за людьми (Луиза любит наблюдать за людьми, это ее успокаивает: когда много времени сосредоточиваешься на неприятностях других людей, меньше переживаешь по поводу собственных проблем).

Луиза отправляется работать баристой или в «Гла-Зам», или же дает урок по отборочным тестам.

Больше всего ей нравятся уроки. Когда она говорит с тщательно поставленным восточным произношением, собирает в пучок очень аккуратно покрашенные белокурые волосы и тонко намекает на то, что училась в Девоншире, штат Нью-Гэмпшир, Луиза получает восемьдесят долла-

ров в час плюс удовольствие от того, что кого-то обдурила. Вот если бы Луиза и вправду обучалась в Девонширской академии, подготовительной школе-интернате, а не просто в муниципальной средней школе, она бы получала в час двести пятьдесят долларов, но родители, способные платить подобные деньги, всегда очень тщательно проверяют резюме репетиторов.

Луиза заканчивает работу.

Она смотрится в зеркальце в телефоне, причем несколько раз, чтобы убедиться, что она еще жива. Заходит на сайт знакомств, хотя очень редко отвечает тем, кто ей подходит. Был один парень, который в Сети казался настоящим феминистом, но выяснилось, что он практикует ни к чему не обязывающие случайные связи. А у другого частенько случались заскоки, которые почти всегда казались ей граничащими с оскорблениями. А вот один попался по-настоящему классный, но он два месяца писал в ее профиле от ее имени. Иногда Луиза подумывает, не начать ли встречаться с кем-то новым, но это кажется еще одним способом, чтобы потенциально облажаться.

Иногда, если Луизе за неделю заплатят наличными, она отправляется в шикарный бар в гостиницах «Клинтон» или «Ривингтон» или же куда-нибудь в Верхний Ист-Сайд.

Она заказывает лучший напиток, который может себе позволить (Луиза, вообще-то, совсем не может позволить себе выпивать, но даже она иногда заслуживает милых развлечений). Она очень-очень медленно его потягивает. Если она не

поужинает (Луиза почти никогда не ужинает), то захмелеет сильнее, что приятно, поскольку, когда Луиза выпивши, она забывает непреложный факт, что однажды испортит все и вся, если еще этого не сделала. Может, оттого, что она почти сразу же лишается работы и ее отовсюду выгоняют или же она толстеет на восемь килограммов, потому что слишком устает, чтобы делать зарядку, и потом даже уличный пристава не захочет ее трахнуть. Или же оттого, что она заработает рак горла от бесчисленного количества раз, когда заставляет себя выbleвывать съеденное, или потому, что она подхватит более редкую и экзотическую форму рака, так как постоянно красит волосы в ванной без вентиляции. Или же она облагается, разблокировав Вирджила Брайса в социальных сетях. Или заведет отношения, в которых человек, кажущийся хорошим на сайте знакомств, захочет спасти ее. Или задушить. А она станет делать все, что он ей скажет, потому что другой способ облажаться — это умереть в одиночестве.

Она ждет, пока протрезвеет (другой вернейший способ облажаться — стать одинокой пьяной женщиной вечером в Нью-Йорке), а потом едет на метро домой. И хотя Луиза больше уже не пишет в блокноте, если она еще достаточно подшофе, чтобы ощущать, что конец света случится не вдруг, она говорит себе, что завтра, когда ее чуточку отпустит усталость, она все-таки напишет рассказ.

Говорят, что если к тридцати годам ты в Нью-Йорке ничего не достиг, то так ничего и не достигнешь.

Луизе двадцать девять.

Лавинии двадцать три.

Знакомятся они вот как.

Сестре Лавинии Корделии шестнадцать лет. Она учится в Нью-Гэмпшире в подготовительной школе-интернате, не в Девонширской академии, а в одном из конкурирующих заведений. Приехала домой на рождественские каникулы. Их родители живут в Париже. Лавиния обнаружила одну из рекламных листовок Луизы («Нужен репетитор по отборочным тестам? Есть такой!») в книжном магазине на углу Девяносто третьей улицы и Мэдисон-авеню, который устраивает рождественскую вечеринку с бесплатным шампанским, куда Луиза три года стремится попасть, хоть и далеко живет, чтобы просто выпить забесплатно, посмотреть на богатые, счастливые семьи и самой почувствовать себя богатой и счастливой.

— Боюсь, что я ничегошеньки не знаю, — говорит Лавиния по телефону. — Но Корди — просто умница. И я уверена, что испорчу ее, если только мне кто-то не помешает. Ну, вы понимаете, о чем я. Благотворное влияние. В любом случае она пробудет здесь еще неделю, прежде чем отправится на Рождество в Париж, мы уже просмотрели все диски с фильмами Ингмара Бергмана, что нашлись в доме, и сейчас меня просто распирают идеи, как уберечь ее от воздействия улицы. Я смогу вам заплатить. Вы мне скажите, сколько люди платят за подобные вещи?

— Сто пятьдесят в час, — отвечает Луиза.

— Годится.

— Приступлю сегодня вечером, — говорит Луиза.

Лавиния живет в занимающей целый этаж квартире в особняке на Семьдесят восьмой улице между

Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Добравшись до крыльца со ступенями, Луиза слы-

шит, как из раскрытого окна ревет какая-то опера, а Лавиния фальшиво подпевает, и именно так Луиза догадывается, что Лавиния обитает на втором этаже, даже не глядя в надписи рядом со звонками.

Во всех оконных ящичках у Лавинии цветы. И все завядшие.

Лавиния открывает дверь, облаченная в черное платье без рукавов, целиком сшитое из перьев. У нее длинные, до пояса, волосы. Растрепанные, жесткие, она несколько дней их не расчесывала, но они такого белокурого оттенка, которого Луиза долго добивалась, экспериментируя с красками для волос из ближайшей аптеки. Вот только это ее естественный цвет. Она невысокая, но худая (Луиза пытается вычислить, насколько именно худая, но мешают перья), и она впивается в Луизу таким пронзительным взглядом, что та машинально отступает назад, чуть не налетев на вазу с завядшими лилиями.

Лавиния этого не замечает.

— Слава богу, вы приехали, — произносит она.

Корделия сидит в столовой. Волосы у нее заплетены в толстую косу с лентами и шпильками. Она не отрывает глаз от книги.

Все стены увешаны старинными ручными веерами. Еще на стене висит вышитый золотом восточный халат, напудренный парик красуется на голове манекена с нарисованными губной помадой чертами лица. Повсюду комнату украшают раскрашенные карты таро — Верховная Жрица, Крепость, Глупец — в ржавых рамках стиля ар-нуво. Стены выкрашены в благородный ярко-синий цвет, кроме лепных украшений, которые Лавиния сделала золотыми.

Лавиния целует Луизу в обе щеки.

— Убедитесь, что в десять вечера она ляжет спать, — говорит она и уходит.

— Вот так она поступает.

Корделия наконец отрывает глаза от книги.

— Вообще-то, она не такая уж и рассеянная, — продолжает она. — Таково ее чувство юмора. Она думает, что это забавно — поддразнивать меня. И вас. Луиза ничего не отвечает.

— Извините, — говорит Корделия. — Я уже начала заниматься. — При улыбке уголки губ у нее изгибаются.

Она заваривает Луизе чай.

— Можете выпить с шоколадом и ванилью или же с фундуком, корицей, грушей и кардамоном, — предлагает она. — Нормального чая у Винни нет.

Она подает его в замысловато расписанном заварочном чайнике («Он из Узбекистана», — объясняет Корделия. Луиза не уверена, шутка это или нет). Она ставит на стол поднос.

Корделия забывает чайную ложку, хотя в сахарнице ложка есть, но после второй чашки Луиза понимает, что если она помешает чай, то намочит ложку и испортит сахар. Если она оставит ложку сухой, сахар осядет на дно чашки.

Луиза потягивает чай без сахара. Она на секунду задумывается, не попросить ли еще ложечку, но нервничает при одной мысли об этом, поэтому вообще ничего не говорит.

Они выполняют тесты по семантике: какая
14   разница между словами «тусклый», «лако-

ничный» и «скорбный»? По математике: все виды египетских треугольников и плоскостные фигуры различных начертаний. Корделия верно отвечает на все вопросы.

— Я собираюсь в Йельский университет, — говорит она так, словно это уже решено. — А потом в университет при римском понтификате для получения степени по теологии. Я намереваюсь стать монахиней.

Затем:

— Извините.

— За что?

— Я вас подначиваю. Не надо этого делать. Хочу сказать... я действительно хочу стать монахиней. Но даже и так.

— Ничего страшного, — отвечает Луиза.

Она выпивает еще чашку несладкого чая с фундуком, корицей, грушей и кардамоном.

— Я чувствую себя виноватой, — продолжает Корделия. — В том, что держу вас здесь. Вообще-то, репетитор мне не нужен. Не огорчайтесь... я в том смысле, что вы прекрасно знаете свое дело. Извините. Просто... я все это уже знаю. — Она пожимает плечами. — Может, Винни и вправду очень хочет, чтобы вы были моей сиделкой. Только... к десяти она не вернется.

— Ничего страшного, — отвечает Луиза. — Полагаю, ты сама знаешь, когда тебе ложиться спать.

— Дело не в этом. — Корделия снова улыбается своей странной полуулыбкой. — Винни же за все платит.

Корделия с Луизой молча сидят на диване до шести утра. Корделия надевает домашний халат, покрытый кошачьей шерстью (кошки